

В.А. Лапатин
(научный руководитель Е.Э. Сурова)

БЕССМЫСЛИЦА, АБСУРД И НОНСЕНС В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Абсурд в XX в. начал занимать одно из важных мест в философской проблематике. Пожалуй, можно сказать, что именно в этот период он и стал осмысливаться как самостоятельный предмет исследования, а не как нечто привходящее. XX в. стал временем колоссального мировоззренческого, эстетического слома: за это время человечество пережило две мировых войны, произошли революционные изменения в науке, технике, искусстве, экономике, политике и обществе в целом. Эти изменения происходили быстрее, чем человечество успевало обдумывать и упорядочивать новый опыт, и повлекли за собой значительное преобразование жизненного уклада, что порою может восприниматься весьма болезненно. В силу этого и мир, и само человеческое существование нередко стали оцениваться как абсурдные, лишённые смысла, а стало быть, возникла необходимость в оформлении абсурда как отдельного предмета изучения. Наша современность имеет своей непосредственной предпосылкой XX в., и многие проблемы, существенные для прошлого века, актуальны и по сей день. Представляется, что одной из таких проблем является отношение абсурда к современной культуре.

Уже само заглавие данного текста свидетельствует о том, что вначале необходимо договориться о терминах. Нужно определить, почему эти близкие понятия здесь разведены и что подразумевается под каждым из них. Действительно, в большинстве случаев эти три слова понимаются либо как синонимы, либо как близкие по смыслу. Следует отметить, что в обычном словоупотреблении «абсурд» сочетает в себе значения, относимые, как к нонсенсу, так и к бессмыслице. Почти во всех толковых словарях данное слово прямо отождествляется с бессмыслицей; нонсенс также имеет значение отсутствия смысла, но ключевыми его значениями являются всё же нелепость, несообразность, несуразность, которые приписываются и абсурду тоже. Нужно сказать, что у этих слов действительно есть единая основа, которая и позволяет обычно считать их синонимами, а именно: их особое отношение к смыслу. Предполагается, что все они означают либо отсутствие смысла, как в случае с бессмыслицей, либо его искажение, как в случае с нонсенсом в значении нелепицы. Наличие указанной единой основы представляется бесспорным. Действительно, и абсурд, и нонсенс, и бессмыслица находятся в определённом отношении к смыслу и должны быть исследованы с точки зрения этого отношения; в то же время в данном рассмотрении предполагается, что эти слова всё же находятся не в одинаковой связи со смыслом и потому они будут различены.

Бессмыслица должна полностью себя оправдывать, т.е. быть чем-то таким, что совсем, окончательно, ни в одной своей части не имеет смысла. Поэтому собственно бессмысленным следует признать выражение, состоящее из несуществующих слов и не содержащее никаких знакомых грамматических и синтаксических конструкций. Если выполняется первое условие, но не выполняется второе, получается всё же нечто осмысленное. Примером тому может служить знаменитое «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрёнка» Щербы. Высказывание не содержит в себе ни одного существующего слова, но сохранение грамматики и синтаксиса русского языка делает понятным, где какая часть речи находится, и даже позволяет предположить наличие определённого смысла. Если же, наоборот, выполняется второе условие, но не выполняется первое, то мы получим нечто вроде ряда случайных слов наподобие этого: идти лес в копать пресмыкающееся судьба тяготей. Данная серия, конечно же, не является высказыванием и не может передать нам смысл. Тем не менее, каждое из слов является реальным и, стало быть, каждое в отдельности сообщает определённое содержание. Кроме того, эти же слова, произнесённые, скажем, в кресле психоаналитика, являются основанием для серьёзных выводов относительно бессознательного содержания психики пациента. Иначе говоря, даже этот «бессмысленный» ряд может иметь положительный смысловой потенциал, очень глубокий и скрытый.

Вероятно, бессмысленным в собственном смысле этого слова должно быть нечто подобное: кышма айоас харом кером криелишкой. Действительно, здесь и у слов полностью отсутствуют смысл, и грамматика с синтаксисом ни на что не намекают. Однако и это выражение нельзя признать бессмысленным. Причиной является то, что «смысл – единственное понятие, не подлежащее никакой антиномике, за отсутствием отрицающего его противочлена, ибо и бессмыслица в самый миг ее произнесения или просто мысленной фиксации уже осмыслена и, значит, не равнозначна антиномична смыслу, а представляет собою такое его отрицание, которое не мыслимо вне самого смысла» [1]. Другими словами, тот факт, что мы говорим об этом

бессмысленном выражении в определённом теоретическом или не обязательно теоретическом контексте, уже придаёт ему смысл. Да и сами несуществующие в языке слова вызовут те или иные ассоциации и, так или иначе, отправят к какому-то смыслу. Т.е. и здесь мы в каком-то отношении опять оказываемся в кресле психоаналитика. Вообще, под указанные ранее условия полной бессмысленности высказывания целиком подходит т.н. заумная поэзия («дыр бул щыл» и т.п.). Однако при всей бессмыслице эти стихи мы вряд ли сможем связать с логической пустотой и негативностью, которые ассоциируются у нас с полным отсутствием смысла. Всё-таки сама концепция зауми предполагала понимание того, что за смыслом слов (т.е. «за умом») находится что-то ещё, и поисков этого «чего-то ещё». В этом отношении заумная поэзия была безусловной идейной предшественницей поэзии абсурдистской, правда, последняя, базировавшаяся на сходных принципах, осуществляла сам поиск иначе. В целом, из всего этого надлежит заключить, что никакой аспект человеческой деятельности не может быть полностью бессмысленным. Стало быть, в культуре нет никакой бессмыслицы и всё предполагает наличие того или иного смысла – хотим мы того или нет, уйти от него никуда не получится.

Обратимся к следующему понятию, обозначенному нами выше, – нонсенсу. Слово «нонсенс» в буквальном переводе означает «бессмыслица». Однако в большинстве случаев оно употребляется в значении чего-то несуразного, нелепого, из ряда вон. В данном тексте под нонсенсом будет подразумеваться ситуация смещения смысла, когда нечто означающее отсылает не к привычному означаемому, а к другому. Вообще, то, как здесь определяется нонсенс, находится ближе всего к тому, что обычно подразумевается под абсурдом, в особенности, когда последний толкуется негативно, как противоположность абсолютной положительности смысла, как его отсутствие или извращение, видоизменение до неузнаваемости. Уже выяснено, что нет ничего, относящегося к человеку, что не имело бы смысла, поэтому изъять смысл полностью невозможно, но можно его модифицировать и исказить. Нонсенс – это всегда искажение, смещение, извращение смысла, это всегда некая патология. В случае нонсенса знак всегда отсылает либо к неправильному означаемому, либо к несуществующей вещи. Как правило, такая подмена всегда замаскирована, скрыта, не опознаваема. Это может происходить как неосознанно, когда высказывающийся не замечает, что произвёл нечто логически несуразное, так и вполне сознательно, когда кто-то намеренно использует структуру нонсенса, чтобы ввести другого в заблуждение. Но в любом случае нонсенс должен быть незаметен хотя бы для одной из сторон, иначе он был бы нежизнеспособен, не имел бы практического смысла и воспринимался бы просто как логическая ошибка, т.е. как он есть. Именно эта незаметность нонсенса присутствует, например, как составной элемент софизмов и паралогизмов и придаёт им видимую доказательность и убедительность. Последние, как и нонсенс, мимикрируют под нечто осмысленное тем, что используют форму осмысленного высказывания, но не имеют никакого содержания, свойственного осмысленности. Примером нонсенса может служить лозунг, ставший в последнее время популярным среди националистически настроенной части населения России, который в адаптированной форме выглядит так: «Русский, прекрати злоупотреблять спиртными напитками!». Сам призыв воздерживаться от пьянства возражений не вызывает. Сомнительной может показаться лишь ультимативная форма неадаптированного оригинального высказывания. И в этом случае мы, конечно же, касаемся проблемы свободы человеческого выбора и проблемы того, насколько выбор саморазрушения может считаться свободным. Но вот первая часть, содержащая обращение «русский», содержит в себе нонсенс. Действительно, алкоголизм – зло, и нужно воздерживаться от злоупотребления спиртным, но это зло само по себе, а потому и воздерживаться нужно вообще, в принципе, независимо от национальной принадлежности. Очевидно, что в данном случае под слово «русский» имплицитно подводится некое содержание, которому это слово никак не соответствует. Национальность является просто фактом и ничем более, как и то, что за летом приходит осень, а тела при нагревании расширяются. Здесь же слово «русский» включает в себе целую программу, сводящуюся к нескольким положениям: Россия (или даже Русь) со всех сторон окружена врагами, необходимо прекратить злоупотреблять алкоголем не потому, что это вообще вредно и опасно, а чтобы быть здоровым и иметь силы противостоять угрозе с Кавказа и Средней Азии. Нераспознанный нонсенс в качестве патологии может оказывать разрушительное влияние на культуру.

О заключительном элементе данного рассмотрения – абсурде – можно сказать, что он очень близок ко второму аспекту нонсенса – отсылке к несуществующему. Можно даже сказать, что он в определённых аспектах практически тождественен нонсенсу: абсурдное высказывание также не отсылает ни к какому означаемому, ни к какому смыслу или, по крайней мере, имеет пустой

смысл, ни с чем не соотносящийся. Абсурд тождественен нонсенсу по форме, но не по сути; точно так же как и практика недеяния буддийского монаха или даоса в корне отлична от бытового безделья. Абсурд, не отсылая к означаемому, не имеет, тем не менее, значения обмана, искажения, извращения и патологии. Он не имеет смысла, по крайней мере, в привычном понимании, не являясь при этом бессмысленным. Абсурд – это всегда стремление к невозможному, а, в чём заключается невозможность абсурда, необходимо разобраться.

Из всех родственные друг другу пар: «означающее-означаемое», «знак-символ», «значение-смысл», «денотат-коннотат» – абсурд имеет отношение каждый раз именно ко второй позиции, но с ней связаны известные трудности. Если первый член каждой из пар всегда явлен нам, всегда «осознаем», материален и может быть выражен, то второй – тоже как бы наличествует, но всё время ускользает от нас. Первое имеет отношение к коллективной структуре языка, второе – к индивидуальному порядку речи. Возьмём, например, первую пару – «означающее-означаемое». Означающее всегда доступно нам даже чувственно: мы видим, слышим, считываем определённый материализованный знак, который вызывает в нас некий смысл, который и является означаемым. Но вот что такое это означаемое? По сути дела, оно просто есть, но о нём нельзя ничего сказать, не превратив его в новое означающее, ведь как только мы попытаемся выразить смысл (например, смысл предыдущего предложения), то мы с неизбежностью получим новое предложение, являющееся таким же означающим, как и предыдущее, у которого также имеется свой смысл, для которого также требуется новое предложение. И так до бесконечности – смысл и означаемое каждый раз ускользают, каждый раз оказываются неуловимы. Такое положение дел Жиль Делёз называет парадоксом регресса и характеризует его следующим образом: «Говоря нечто, я в то же время никогда не проговариваю смысл того, о чём идёт речь. Но, с другой стороны, я всегда могу сделать смысл того, о чём говорю, объектом следующего предложения, смысл которого я, в свою очередь, при этом тоже не проговариваю. Итак, я попадаю в бесконечный регресс того, что подразумевается. Такой регресс свидетельствует как о полном бессилии говорящего, так и о всеисилии языка: а именно о моей неспособности высказать смысл говоримого мной, то есть высказать в одно и то же время нечто и его смысл» [2]. Смысл, означаемое являются самостоятельной действительностью, к которой у человека нет прямого доступа, но лишь доступ опосредованный: посредством знаково-символической прослойки языка. Смысл есть, но овладеть им мы не можем, если понимать под овладением действительности языковое её выражение.

О причине этой невозможности явить смысл размышляет также и Людвиг Витгенштейн. В §46 «Философских исследований» он приводит отрывок из платоновского «Теэтета», в котором Сократ говорит, что празлементы, из которых состоят все вещи, могут быть только названы, но не могут быть определены ввиду их предельной простоты. Другими словами, они могут быть названы, но не могут быть познаны – им нельзя приписать никаких предикатов. Смысл, по Витгенштейну, оказывается своеобразным празлементом языка – мы знаем о нём, но мы не в состоянии его выразить. Происходит это по той же, указанной выше причине: «Осмысливание осуществляется в сфере душевного, и оно также является чем-то сугубо личным! Это неуловимое нечто, сопоставимое только с самим сознанием... Это как бы сон нашего языка» [3]. Также Витгенштейн указывает, что смысл ситуативен, что он возникает только при употреблении – смысл слов познаётся только практикой, когда человек научается языку и когда пользуется им, а абсурд и бессмыслица возникают, только когда он уже научился пользоваться языком. Со всем этим мы готовы согласиться, мы не готовы лишь согласиться с тем решением, которое предлагает Витгенштейн. Оно сводится к следующему: раз смысл как сущность логики и языка невыразим, то и не нужно пытаться его выразить, достаточно просто заняться описанием, а не объяснением языка. С нашей точки зрения, должна быть рассмотрена стратегия выражения невыразимого посредством абсурда.

Невозможность выразить, точнее явить смысл, «материализовать» его в высказывании, является препятствием, задаваемым и обусловливаемым самим языком. Как нам кажется, абсурд стремится обойти это препятствие. И условием достижения успеха здесь оказывается то, что в случае с нонсенсом оценивается отрицательно – отсутствие означаемого у абсурдного высказывания. Такое высказывание ставит своей целью выразить означаемое, не превратив его в новое означающее, и это удаётся ему именно в силу того, что оно попросту не может быть означающим – оно не отсылает ни к какому действительному положению вещей. Абсурд стремится к тому, что находится за смыслом, «за умом». Он исследует структуру, которая обеспечивает всякое смыслообразование и всякое возможное выражение смысла, но при этом саму

не могущую быть выраженной. Иначе говоря, абсурд пытается выразить невыразимое – говоря об абсурде, неизменно приходишь к абсурдным высказываниям.

То, что мы называем невыразимым, есть наше внутреннее содержание, и оно невыразимо именно в силу того, что является внутренним. Внутреннее содержание в данном случае понимается двояко: во-первых, это содержание самого языка, т.е. смысл, означаемое, коннотат, понятие и т.д., во-вторых, это содержание сознания, в той степени, в какой оно становится внешним по отношению к языку и в какой оно вообще может быть отделено от языка. Это второе является тем случаем, при котором сознание мыслит о самом себе своими же средствами, т.е. средствами самого языка. При этом с неизбежностью возникает трудность; она состоит в том, что мы пытаемся выразить то, что не поддаётся верификации или плохо поддаётся верификации. Когда нам требуется сказать о каком-то внешнем положении дел, мы достаточно легко можем это сделать. Мы говорим «яблоко лежит на столе» и тем самым вполне адекватно выражаем то, что происходит. Высказывания о внешних, видимых, материальных предметах без труда поддаются верификации: мы говорим о них, сравниваем с данными наших органов чувств о внешнем положении дел и устанавливаем истинность или ложность высказывания. Такая лёгкость в выражении явлений порядка связана со структурой самого языка. Наш язык приспособлен к выражению внешних, видимых вещей и действий, вероятно, он возникал и развивался как необходимость выражать то, что происходит. Но как только от видимого положения дел мы переходим к выражению явлений духовного порядка, к высказыванию о содержимом нашего сознания, мы тут же сталкиваемся с колоссальными трудностями, несуразностями и несообразностями. Такие высказывания не поддаются верификации просто потому, что нельзя взять и указать пальцем на то, о чём говорится. Вероятно, это связано с тем, что то, что названо нами явлениями духовного порядка, имеет другую природу по сравнению с материальным миром и функционирует принципиально иначе. Выходит, что и попытки традиционным образом выражать содержание нашего сознания обречены на неудачу или, по крайней мере, неполноценны. Коль скоро язык плохо подходит для выражения внутреннего содержания, напрашивается вывод, что нужно просто использовать другую стратегию выражения, чем и занимается абсурд. Эта другая стратегия заключается в том, что, стремясь сказать что-то о сознании, мы делаем это не прямо означивая предмет, а вообще через постороннее выражаемому содержанию. Мы говорим о предмете, используя слова, вообще никак не связанные с ним или связанные лишь косвенно. Лучшей иллюстрацией этому будут слова Александра Введенского в «Разговорах» Леонида Липавского: «Я посягнул на понятия, на исходные обобщения, что до меня никто не делал. Этим я провёл как бы поэтическую критику разума – более основательную, чем та, отвлечённая. Я усумнился, что, например, дом, дача и башня связываются и объединяются понятием «здание». Может быть, плечо надо связывать с четыре. Я делал это на практике, в поэзии, и тем доказывал. И я убедился в ложности прежних связей, но не могу сказать, какие должны быть новые» [4]. Мы видим, что абсурдистская поэзия, как и заумная, исследует то в языке, что лежит за смыслом и за понятием и что обуславливает возникновение и смысла, и понятий, но приходит к другим результатам. Абсурдизм не отказывается от реально существующих слов и не пренебрегает синтаксисом и грамматикой, он пренебрегает тем, чтобы слова отсылали к какому-то ещё означаемому, для которого нужно ещё одно означающее: плечо никак напрямую не связано с четыре, но когда мы имеем в виду четыре, а говорим «плечо», мы избегаем бесконечного умножения означающих и имеем чистую форму, чистое означаемое. Такое возможно именно потому, что абсурдное высказывание выражает означаемое без отсылки к чему-то ещё, т.е. не становясь означающим. Нечто похожее относится у уже упоминавшегося Делёза к тому, что он именует эзотерическим словом: «Такое слово обозначает именно то, что оно выражает, и выражает то, что обозначает. Оно выражает своё обозначаемое и обозначает собственный смысл. Оно одновременно и говорит о чём-то, и высказывает смысл того, о чём говорит: оно высказывает свой собственный смысл» [5]. Правда, Делёз эзотерическое слово, выражающее собственный смысл, связывает с nonsens, а не абсурдом.

В принципе, такая же абсурдистская стратегия может быть применена и к выражению внутреннего содержания языка, когда мы, вместо «яблоко лежит на столе», говорим что-нибудь вроде «красноватая мякоть подпирает собой всякую основу философии».

Пока нам удалось только различить бессмыслицу, nonsens и абсурд, но заявленной темы мы касались лишь косвенно, когда говорили, что в культуре не может быть ничего бессмысленного, и когда рассматривали проявление nonsens в националистическом дискурсе нынешней России. Необходимо перейти к собственно теме исследования. Из всего сказанного ранее понятно, что она

должна быть переформулирована: следует рассмотреть, как нонсенс и абсурд представлены в культуре.

Современную культуру нередко называют абсурдной, предполагая её поверхностный, лишённый смысла, ложный характер. Как правило, во всех таких случаях имеется в виду определённая иллюзорность культуры, отсутствие прочных оснований для неё, её хаотичность и беспорядочность. Возможно, подобные представления связаны с тем, что само «культурное время» за последние пару столетий сильно ускорилося и продолжает иметь эту тенденцию. Не то чтобы события стали происходить чаще, скорее, о них стали узнавать быстрее. Тому причиной является, в частности, быстрое развитие техники, оно же обуславливает и трансформацию границ: личностных, межличностных, этических, эстетических, символических и пр. Недальновидно было бы воспринимать границу чисто отрицательно как нечто, что действительно ограничивает нас, мешает и являет собой составляет преграду. Границы регулируют и регламентируют социокультурную ситуацию в целом: когда они достаточно ясны и очевидны, индивиды с такой же ясностью и отчётливостью осознают своё положение в пространстве социума и культуры. При нынешней ситуации, когда границы становятся всё более гибкими, пластичными и прозрачными, представители общества, как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, оказываются в некомфортном положении – возникает постоянная необходимость переопределять себя и заново формулировать для себя сложившееся в культуре положение вещей. Последнее, вместе с ускорением культурного времени, воспринимается многими людьми как ситуация безумия и позволяет сделать смелый вывод об абсурдности существования. Абсурдность существования в данном случае походит на безумное постоянство белки, бегущей в колесе, или на змею, кусающую свой хвост. Т.о. за абсурдом всё больше закрепляется значение хаоса, а сам он оценивается как нечто нежелательное, подлежащее устранению. В этом отношении показательным может быть то, что, например, выражение «театр абсурда» стало употребляться в негативном смысле в отношении разного рода нелепых событий. Это выражение превратилось в расхожее, и многие, употребляющие его, даже не подозревают, что у него есть автор, отнюдь не связывавший с ним отрицательного содержания [6].

Учитывая то, как в данном тексте были различены абсурд и нонсенс, вряд ли можно согласиться, что наша культура абсурдна. Абсурд предполагает некую глубину, это всегда рефлексия над нашими предпосылками и основаниями: основаниями сознания, основаниями языка, а вместе с тем – и основаниями культуры. Скорее, современной культуре как раз-таки недостаёт глубины, она переполнена в значительно большей степени нонсенсом, а не абсурдом. Как уже отмечалось, нонсенс и абсурд тождественны по букве, но не по духу: они представляют собой одно и то же по форме, но форма каждого из них преследует разные цели. Разумеется, в случае с абсурдом всегда существует риск, что он вырождается в нонсенс, что дух выветрится и что размышление о началах станет пустой формой так же, как и самое глубокое религиозное чувство, всегда абсурдное, может обернуться религиозным фанатизмом, а пророк может оказаться сумасшедшим. Но такие риски существуют, например, и в случае со свободой – одним словом, со всем вещами, предполагающими подвижность и расширение привычных границ.

Нонсенс имеет отношение к преднамеренному или к непреднамеренному обману, он предполагает смещение или искажение смысла, отсылая или к другому, неправильному значению или вообще к чему-то несуществующему. Перенасыщенность современной культуры нонсенсом выражается в разных сферах человеческой деятельности. Коротко перечислим лишь некоторые элементы нонсенса в современности. Последние можно найти в сфере политики, например, когда политики функционируют на уровне поп-звёзд, а сама политическая деятельность превращается в подобие реалити-шоу. В результате политики, вместо того чтобы заниматься решением государственных задач, что вообще говоря является смыслом политики, ныряют за амфорами, следят за популяцией белых медведей, танцуют шейк и целуют детей в животик. В этом случае означаемым является сам политик, а означаемым, скорее, цирковой артист. То, что политики превращаются в подобие поп-звёзд, неслучайно: в современной социокультурной ситуации за знаменитостями закрепляется ореол доверия – им верят, к ним прислушиваются, их жизненная модель в той или иной степени воспринимается как идеал. Именно по этой причине популярные артисты, музыканты, спортсмены постоянно приглашаются в различные передачи в качестве (точнее даже – вместо) экспертов по самому широкому спектру вопросов: от кулинарии до той же политики. И это, конечно же, нонсенс.

Абсурд мы более или менее всегда распознаём, и в этом смысле он является определённой гарантией безопасности, нонсенс же, также являясь «бессмысленным», оказывается замаскирован,

и его «бессмыслица» ускользает от нас – он воспринимается как нечто вполне нормальное и даже осмысленное. Особенно отчётливо это проявляется в случае с рекламой, если мы отвлечёмся от её яркой аудиовизуальной формы и рассмотрим только то, что нам сообщается, т.е. прибегнем к формалистскому приёму остранения. Итак, мы забрасываем в рот две подушечки жвачки, которые становятся симпатичными блондинками, наводящими чистоту в ротовой полости. Далее, две девушки игриво сидят на кровати, неожиданно с потолка падают два пакетика с чаем, который неожиданным образом сам заваривается в неизвестно откуда взявшиеся чашки, комната расцветает цветами, девушки счастливы. Ещё: по дороге идёт анимированная антропоморфная печень, а вокруг неё собираются жареный картофель, кола и другие, вредные для печени продукты, создавая угрозу; внезапно с неба появляется свет, в котором находится лекарство для печени – она спасена. Помимо «наркотического» характера данных роликов (персонажи употребляют определённый продукт и погружаются в мир ярких образов и переживаний), следует отметить, что все они по форме являются абсурдными сообщениями, которые не прочитываются как абсурдные, а напротив, воспринимаются как вполне нормальные и реалистические. В этом и отличие нонсенса от абсурда – он, в отличие от последнего, не распознаётся. Абсурд – это глубина. Так, когда Введенский пишет «Воробей летит из револьвера» [7], это абсурдное сообщение являет собой рефлексия о языке: полёт воробья и полёт пули имеют принципиально разный характер, но в языке закрепляются под одним словом. В то же время можно себе представить тот же образ воробья, летящего из револьвера, в рекламе какого-нибудь энергетического напитка, и тогда из этого образа будет выхолощено всё содержание. Помимо того, реклама часто отсылает к вообще несуществующим вещам (что является признаком нонсенса), когда, например, нам сообщается о наличии в йогурте чрезвычайно полезной, но несуществующей в природе бактерии.

То, что нонсенс перестал восприниматься в современной культуре как искажение и нарушение, является симптоматичным. При этом некорректно было бы полагать, что он кем-то специально навязывается или насаждается. Чрезмерность нонсенса, скорее, связана с указанными ранее причинами: с «размягчением» социокультурных границ и ускорением культурного времени. Современного человека окружает огромное количество информации, порождающей новый и чрезвычайно концентрированный чувственный опыт, который из-за нехватки времени он оказывается не в состоянии упорядочить. Наличие более отчётливых социокультурных границ само являлось бы средством упорядочивания, поскольку оно предполагает наличие определённых и ясных правил и руководящей идеи, скрепляющей общество. В случае «плавающих» границ само общество разбивается на замкнутые сообщества, но и они внутри себя не имеют чётких правил. Вернее, правила приходится каждый раз переизобретать в зависимости от быстро меняющейся социокультурной ситуации. И, как правило, упорядочивание здесь будет происходить путём сведения многообразного и непонятного чувственного содержания к стереотипизированным формам. Другими словами, разного рода стереотипы будут становиться социокультурными константами. Нонсенс будет неизбежно возникать именно в силу постоянных изменений. Но данную ситуацию не стоит воспринимать как неблагоприятную и, более того, ни в коем случае не стоит в традиционалистском духе ратовать за установление твёрдых границ и возвращении к прежним моделям функционирования общества. Нынешнее состояние являет собой многовариантное пространство с множеством возможностей. Это означает, что для ориентирования в нём и его упорядочивания не будет подходить какая-то рациональная модель, скорее, нужно задействовать абсурд как нетрадиционный способ осмысливания своих оснований и предпосылок. В этом смысле абсурд не нужно преодолевать: задача состоит в том, чтобы довериться ему.

Примечания

1. Свасьян К. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. М., 2010. С.115.
2. Делёз Ж. Логика смысла. М., 2011. С.44.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч.1. М., 1994. С.197.
4. Липавский Л. Разговоры // Липавский Л. Исследование ужаса. М., 2005. С.323.
5. Делёз Ж. Логика смысла. М., 2011. С.93.
6. См.: Эсслин М. Театр абсурда. СПб., 2010. С.13-14.
7. Введенский А. Кругом возможно Бог // Полное собрание произведений в 2 т. М., 1993. Т.1. С.152.